

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Анна Тарасенко

Диверсификация сферы
социальных услуг в России:
факторы региональных
различий

Препринт М-58/17

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2017

Т 19 Тарасенко А. В.

Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий / Анна Тарасенко : Препринт М-58/17. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 28 с. — (Серия препринтов; М-58/17; Центр исследований модернизации).

Социальная политика в современной России не зря завоевала эпитеты двойственной и непоследовательной. Для политического курса, инициированного федеральным центром, характерны как реформы неолиберального толка, так и откровенные интервенционизм и патернализм. Маневрируя между противоречивыми сигналами федерального правительства, региональные власти в своей деятельности склоняются либо к одному, либо к другому спектру основополагающих принципов социальной политики. Несмотря на такие общие негативные стимулы, как шаткое положение некоммерческого сектора и давление на него, неэффективная деятельность бюрократии, отсутствие политической конкуренции и экономический кризис, некоторые регионы в большей степени склонны к реализации неолиберальных мер в системе предоставления социальных услуг. В качестве основного показателя в настоящей работе рассматривается признание негосударственных поставщиков социальных услуг в качестве официальных и включение их в реестр. Региональные вариации в диверсификации сферы предоставления социальных услуг в едином общероссийском контексте являются своего рода экспериментальной площадкой для проверки гипотез о причинах разнообразия. В работе описаны теоретические подходы, описывающие и объясняющие реформирование социальной политики в России, а также выдвинуты гипотезы о влиянии политических, социально-экономических и административных факторов на результаты реформирования сферы предоставления социальных услуг бездомным, инвалидам, сиротам, пожилым и людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Качественный анализ собранных данных и статистические тесты были выполнены для характеристики региональных различий и тестирования выдвинутых гипотез.

Информация об авторе: Анна Тарасенко — сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб; постдок-исследователь, Алексантери институт (Университет Хельсинки); доцент департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: atarasenko@eu.spb.ru

В исследовательской литературе с избытком хватает скепсиса в отношении потенциала российского некоммерческого сектора в сфере предоставления социальных услуг. Читатель, знакомый с оценкой реформ неолиберального толка начала 2000-х годов, не найдет причин для оптимизма. Успешность модернизационных проектов в России тормозят клиентелистские сети, способствующие неэффективности и плохому управлению (*bad governance*). Отсутствие стимулов у региональной и местной бюрократии к созданию условий для инновационных негосударственных инициатив; непродуманность и ограниченность самих реформ, которые имеют своей целью, скорее, сокращение финансирования и создание конкуренции между работниками социальной сферы, чем благоприятные условия для частных и некоммерческих проектов; ухудшающееся положение некоммерческих организаций и правозащитных объединений, систематичное давление и перманентная угроза административного давления и уголовного преследования, — все это отчасти приводит к снижению значимого числа негосударственных проектов, способных хотя бы отчасти эффективно замещать государственные учреждения.

Несмотря на эти негативные условия, некоторые регионы продолжают демонстрировать более успешные результаты реформирования сферы предоставления социальных услуг, чем другие. При всей пресловутой политической централизации региональное разнообразие проводимого политического курса хотя и в ограниченном виде, но присутствует. Так, в части российских регионов диверсификация сферы социальных услуг произошла в значительном объеме, а в некоторых полностью сохранилась монополия государственных учреждений. Этот наблюдаемый в различных вариациях эмпирический феномен является отправной точкой настоящего исследования, **цель которого состоит в том, чтобы объяснить региональные различия в диверсификации сферы предоставления социальных услуг.** На концептуальном уровне задача состоит в объясне-

нии отказа от государственной монополии и перехода к рыночным механизмам предоставления социальных услуг. В исследовательской литературе можно выделить несколько ветвей дискуссии и связанные с ними теории, описывающие происходящие в России трансформации.

Понятие *«авторитарная модернизация»* является частью фундаментальной теории, объясняющей модернизационные проекты в контексте, схожем с российским. Исследования причин успехов и неудач реформ представлены во многих российских и зарубежных научных проектах, а также в аналитических материалах (Grigoriev, Dekalchuk 2017; Gel'man, Starodubtsev 2016; Cook 2007; Алескеров, Головщинский, Клименко 2006; Дмитриев, Юртаев 2010). Так, среди объясняющих факторов успеха исследователи выделяют приоритетность реформы в правительстве, сопротивление сильных заинтересованных групп и отсутствие у них стимулов к изменению, относительная простота или сложность в реализации и др. Теоретический обзор причин успеха и неудач реформ с упором на управленческие теории сделан в коллективной работе исследователей, сравнивающих опыт Норвегии и Дании (Blom-Hansen et al. 2012). В частности, эта коллективная работа доказывает, что реформы бюджетной сферы зачастую предполагают моментальные серьезные потери для хорошо организованных заинтересованных групп (иными словами — неизбежные издержки), в то время как в долгосрочной перспективе бенефиции размыты по времени между непосредственными получателями: избирателями и налогоплательщиками (Blom-Hansen et al. 2012). Эти выводы несомненно важны и будут учтены для формулирования гипотез в данной работе.

В теории государства благосостояния и его трансформации выделяют несколько источников благосостояния общества, к которым относятся рынок труда (доходы от заработной платы), частные вложения (индивидуальное страхование), волонтерство (семья, добровольные пожертвования и другие формы гражданской активности) и государство (регулирование с целью производства общественного блага). Мера ответственности между общественными, рыночными и государственными институтами за социальное обеспечение определяет ту или иную модель социального государства: либеральная (превалирует в англосаксонских странах), консервативная (распространена в континентальной Европе) и социал-демократическая (характерна для скандинавских стран) (Esping-Andersen 1998). В исследовательской литературе, посвященной моделям социальной политики, относительно мало места занимает дискуссия о роли негосударственных (альтернативных) способов производства социальных услуг силами некоммерческих организаций (Lewis 2004: 170). Тем не менее эти фунда-

ментальные изменения видятся исследователям в качестве важного фактора развития третьего сектора во всем мире (Anheier, Kendall 2001).

Теория социального происхождения рассматривает тенденции развития некоммерческого сектора во взаимосвязи с трансформацией взаимоотношений государства благосостояния. Основная цель теории не только описать модели развития некоммерческого сектора, но и объяснить исторические причины его становления. Авторы теории выделяют три основных режима гражданского общества, соответствующих трем основным моделям социальной политики Госта Эспинг-Андерсена (Esping-Andersen 1998). *Новый публичный менеджмент* как основной инструмент перехода к новым принципам управления социальной политикой имеет большое значение для развития некоммерческого сектора и социального предпринимательства не только в Европе, но и в Латинской Америке и странах Восточной Европы (Anheier, Kendall 2001; Kay 2011; Maltseva 2012; Pierobon 2016). Исследователи показывают, что неолиберальный дискурс и его ставка на эффективный индивидуальный подход к социальному обеспечению и разделение ответственности с обществом за благосостояние малообеспеченных граждан имеют и негативные эффекты. В их числе — бюрократизация деятельности организаций третьего сектора и социальных предпринимателей, а также их кооптация в систему социального обеспечения (Bindman 2016). Как показывает опыт Норвегии, эффектом также может стать снижение роли некоммерческих организаций (НКО) в сфере отстаивания интересов и защиты прав граждан. Из-за этого на место площадок для учета и представительства интересов граждан приходят консультативные и экспертные органы с включением экспертов из НКО (Selle 2010: 296).

Один из трендов в исследовательской литературе состоит в анализе локальных (а не национальных) систем социального обеспечения, поскольку различия между регионами и местными сообществами внутри страны становятся всё более выраженными (Anheier, Krlev 2014: 1398). В этом смысле проводимое исследование вторит существующему тренду, фокусируясь на региональном разнообразии результатов проводимой политики по диверсификации сферы предоставления социальных услуг.

Настоящая работа состоит из трех взаимосвязанных частей. В первой, теоретической, части диверсификация сферы предоставления социальных услуг концептуализирована в терминах теории трансформации государства благосостояния и неолиберальных трендов. Далее выдвинуты гипотезы в связке с дополнительными теориями, которые подходят для объяснения причин региональной вариации в степени диверсификации.

Операционализация зависимой и независимых переменных замыкает теоретическую часть. Далее следуют эмпирический анализ, обзор и характеристика данных о количестве и содержательной деятельности негосударственных поставщиков услуг, включенных в региональные реестры. В заключении сделаны предварительные выводы о значимости децентрализации системы социального обеспечения для диверсификации и включения альтернативных поставщиков. Также сделаны обобщения относительно включения членских организаций, существующих с конца 1980-х годов, в новую логику предоставления услуг, а также ограниченности роли религиозных объединений в этом процессе.

Диверсификация как один из принципов неолиберальных реформ в России

Трансформация государства благосостояния не сводится к сокращению финансирования средств социального обеспечения за счет бюджета государства (Cook 2007). Содержательные изменения включают создание рыночных механизмов предоставления социальных услуг, включая социальное страхование и др. Исследователь Алфио Керами определяет три составляющие этого процесса трансформации: (1) сокращение финансирования бюджетной сферы, (2) приватизация социального обеспечения и маркетизация сферы предоставления социальных услуг, (3) создание рынка предоставления социальных услуг (Cerami 2009: 106). Одним из эффектов является индивидуализация рисков, что концептуально противостоит универсалистскому принципу социального обеспечения, который, в частности, характерен для России (Cook 2007). Этот эффект зачастую проявляется в изменении отношения к потребителю услуг, выбор и ответственность за собственное благополучие которого все больше подчеркивается в государственном нормативном дискурсе. Неотъемлемой частью процесса реформирования становится включение некоммерческих организаций и социальных предпринимателей в сферу предоставления социальных услуг, что способствует ее диверсификации.

Этот принцип диверсификации изложен в Федеральном законе № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» (принят 28.12.2013). Так, НКО и малый бизнес рассматриваются как официальные провайдеры социальных услуг наравне с государственными учреждениями. Схожим образом законодательство в области государственного заказа предполагает, что 15% от ежегодного

объема государственных закупок в регионах должны быть исполнены НКО и организациями малого бизнеса (Федеральный закон № 94-ФЗ от 21.07.2005, вступил в силу в 2014 году). Роль бюрократии в ходе реализация этого законодательства велика. Так, НКО имеют право подать заявку о включении в качестве негосударственного поставщика в реестр, однако органы власти принимают окончательное решение по данному вопросу. Кроме того, региональные власти могут передавать муниципалитетам право включать негосударственных провайдеров в качестве альтернативных поставщиков в индивидуальные программы обслуживания граждан. Отсутствие негосударственного поставщика в качестве альтернативного провайдера услуг не лишает гражданина права самостоятельно определить, какая организация будет его обслуживать. В целом эти особенности характерны не только для России, но и для Соединенных Штатов. Так, исследователи показывают, как провозглашенный принцип сокращения роли государства приводит к ее постепенному увеличению (Кау 2011).

Теория трансформации государства благосостояния исходит из того, что сокращение государственных обязательств по социальному обеспечению затрагивает те социальные группы, которые наименее защищены, ограничены в ресурсах и не склонны к эффективной мобилизации (Blom-Hansen et al. 2012: 73). В целом российский тренд можно описывать в схожих терминах, поскольку сфера предоставления социальных услуг работает с наименее незащищенными категориями граждан: бездомные, инвалиды, сироты, пожилые и люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации.

Сокращение количества государственных учреждений и программ было инициировано национальным правительством. Федеральные законы № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (03.11.2006) и № 83-ФЗ (08.05.2010) включают реформирование бюджетной сферы — в частности, сокращение неэффективных учреждений и коммерциализацию их деятельности. Исследователи и эксперты склонны характеризовать реформу бюджетной сферы в целом и изменения в принципах реализации социальной политики как неолиберальные (Matveev 2015; Кау 2011). Характерными примерами являются система государственных закупок и попытки «квазиприватизации» бюджетных учреждений (Матвеев 2016). Однако сущность этих стратегических реформ не всегда соответствует неолиберальной идеологии, а их реализация либо выхолащивает изначальный замысел, либо дополняется мерами патерналистского толка, что вызывает неоднозначную оценку (Cook 2011; Овсянникова 2016).

Несмотря на описанные ограничения, показательным эффектом реформы бюджетной сферы стало сокращение численности учреждений. Так, по данным Министерства финансов Российской Федерации по состоянию на 01.05.2011 всего в сфере предоставления социальных услуг было задействовано 6867 государственных учреждений.¹ Это составляло всего 3,8% от общей численности государственных учреждений социальной политики (179 646 учреждений). В 2015 году (несмотря на включение в сферу предоставления социальных услуг всех учреждений по уходу за детьми, оставшимися без попечения родителей) количество учреждений уменьшилось до 4438 (по данным региональных реестров поставщиков социальных услуг, собранных в июне–августе 2016 года).

Оценка нуждаемости (means-tested principle) и адресность предоставляемой помощи являются ведущими принципами в реализации Федерального закона № 442-ФЗ. До принятия этого закона, гражданин мог обратиться в соответствующее учреждение, чтобы получить социальные услуги. Эта схема была обоюдно выгодна как для получателя услуг, так и для поставщика: человек получал доступ к необходимым благам, а государственное учреждение поддерживало уровень отчетности за количество обслуженных клиентов и объем предоставленных услуг. С 1 января 2015 года, с момента вступления закона в силу, гражданин должен доказать и подтвердить документально необходимость социального обслуживания.

Важно отделять практики прямого субсидирования и конкурсного распределения бюджетных средств между НКО на федеральном и региональном уровнях от описанных механизмов их встраивания в систему социального обеспечения при помощи государственного заказа и включения их в реестр поставщиков социальных услуг. Конкурсные и внеконкурсные субсидии предполагают, что организации реализуют свои проекты в дополнение к существующим в государственной системе социального обеспечения. Государственный заказ и включение в реестр поставщиков, по сути, представляют собой механизм аутсорсинга тех же самых функций (услуг), которые выполняют государственные учреждения. При этом государственный заказ остается маргинальным механизмом, дискредитированным коррупционными схемами, и практически не используется НКО. На концептуальном уровне важно подчеркнуть, что

¹ Источник статистических данных — официальный сайт Министерства финансов РФ. Точка доступа: <http://minfin.ru/ru/performance/budget/83-fz/analytics/ressub/ressubnet/>; дата доступа 01.04.2017.

распределение субсидий для реализации общественно полезных проектов присутствует во всех моделях социальной политики, а выполнение государственного задания или предоставление услуг (аутсорсинг услуг), осуществляемых государственными учреждениями, — показатель континентальной модели (ярким примером здесь является Германия).

Чтобы сформулировать гипотезы о причинах более или менее успешной диверсификации, в работе рассмотрены три основных подхода. Первый подход подчеркивает влияние политического режима и электоральных политических машин на исход проводимого политического курса. Второй подход связан с ролью заинтересованных групп в системе социального обеспечения. Третий подход подчеркивает значимость региональных ресурсов для реализации социальной политики.

Так, среди политических факторов первым рассматривается уровень (не)демократичности региональных политических режимов. Исследователи показывают, что политическая конкуренция может определять содержание социальной политики и в конечном счете влиять на уровень социального неравенства в регионе (Remington 2015). Кроме того, кросс-национальные исследования показывают, что уровень демократии положительно влияет на приватизацию и диверсификацию бюджетной сферы (Biglaiser, Danis 2002: 95). В качестве показателя демократичности планируется использовать региональные индексы (Титков 2016).

Бюджетная сфера – один из тех контекстов, где можно ожидать возникновение патрон-клиентских отношений. Аргументом этому служат исследования, которые показывают, что экономия и сокращение финансирования благоприятствуют развитию политического клиентелизма (Anheier, Ktelev 2014: 1396), определяющей чертой которого являются персонализированные бенефиции для политически лояльных избирателей. Как результат, развитие патрон-клиентских отношений будет способствовать учету интересов той части бюджетного сектора, который подвержен реформам. При всех ограничениях такой общий показатель, как процент голосов, отданных за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу в 2016 году, будет использоваться как показатель потенциала мобилизации политической машины в регионе. Альтернативные и дополнительные прокси для проверки этой гипотезы планируется найти.

Второй блок предположений связан с наличием *заинтересованных групп*, оперирующих в сфере предоставления социальных услуг. Тот факт, что учредителями государственных учреждений социального обеспечения являются региональные органы власти (чаще всего те ведомства, которые отвечают за социальную политику в регионе), создает серьезные

предпосылки для лоббирования и защиты интересов государственных поставщиков силами региональной бюрократии. Показателем того, насколько разрознена и децентрализована заинтересованная группа, является доля автономных учреждений среди государственных поставщиков. Этот статус имеет важное значение, поскольку меняет отношения с учредителем, который в таком случае практически не несет ответственности за издержки в работе и дефицит бюджета учреждения. В отличие от автономных учреждений, казенные и бюджетные финансируются из бюджета на основе ежегодной сметы, основаниями для расходов на каждый последующий год становятся количество обслуженных граждан и объем предоставленных услуг. Очевидно, что чем больше среди государственных поставщиков зарегистрировано автономных учреждений, тем меньше ответственности социальная бюрократия несет за их деятельность, что может приводить к более легкому переходу к диверсификации сферы предоставления социальных услуг. Показателем в данном случае будет являться доля автономных учреждений среди государственных поставщиков социальных услуг.

Третий спектр объяснений связан с *региональными ресурсами*. Общее предположение может быть сформулировано следующим образом: социальное благополучие будет способствовать появлению спроса на более качественные и эксклюзивные услуги, которые способны предоставлять негосударственные поставщики. Кроме того, появление альтернативных провайдеров как раз возможно в благополучном сообществе. Профессиональные организации третьего сектора должны иметь положительный опыт предоставления услуг, чтобы успешно конкурировать с государственными учреждениями и расширять собственную клиентскую базу. Традиционно душевой валовой региональный продукт (ВРП) рассматривается как основной показатель уровня социально-экономического развития. В дополнение к этому в эмпирической части работы предполагается протестировать значимость индекса человеческого развития.

Методология сбора и анализа данных включает в себя как количественные, так и качественные методы. Под диверсификацией бюджетной сферы понимается признание негосударственных организаций в качестве официальных поставщиков, которые получают компенсацию из бюджета за предоставление услуг, аналогичных тем, которые предоставляются государственными учреждениями. Измерение масштаба диверсификации производится путем подсчета количества и процентного соотношения негосударственных провайдеров социальных услуг, которые могут получать компенсацию из бюджета за предоставленные услуги на основании Феде-

рального закона № 442-ФЗ. Третья вариация измерения зависимой переменной — бинарная, где «0» означает отсутствие негосударственных поставщиков в реестре, «1» — наличие одного и более поставщиков в реестре. Такая операционализация демонстрирует принципиальное решение бюрократии пускать или не пускать в легальное поле альтернативных провайдеров. Показатель «диверсификация», таким образом, представлен двумя интегральными и одной бинарной переменными: (1) процент и (2) количество негосударственных поставщиков в региональных реестрах поставщиков социальных услуг, а также их (3) наличие или отсутствие.

Очевидно, что это довольно узкое понимание, поскольку помимо реестра официальных поставщиков услуг у потребителя есть возможность обратиться как в частную компанию, так и в НКО, минуя процедуру, описанную в Федеральном законе № 442-ФЗ. Выгодой принятого для данного исследования узкого понимания диверсификации является то, что оно позволяет обнаружить открытость бюрократии (*welfare administration*) для негосударственных поставщиков, которые рассматриваются как альтернативные инструменты реализации социальной политики. В концептуальных терминах речь идет об ослаблении государственной монополии и появлении черт корпоративной (континентальной) модели предоставления социальных услуг. Чтобы выявить случаи создания НКО представителями системы социального обслуживания с целью имитирования диверсификации сектора и привлечения альтернативных провайдеров, проведен анализ руководящих органов на наличие конфликта интересов или совмещения позиций в нескольких секторах — государственном, частном или некоммерческом.

Основываясь на трех концептуальных объяснениях, в работе тестируется несколько гипотез при помощи сравнительного анализа региональных кейсов и методов статистического моделирования. Понятие «*заинтересованные группы*» взято на вооружение для рассмотрения причин того, почему бюрократия, ответственная за предоставление социальных услуг, может быть более или менее расположена к диверсификации. Уровень децентрализации сферы предоставления социальных услуг позволяет судить о наличии или отсутствии консолидированной заинтересованной группы, включающей учредителей (бюрократия) и государственных поставщиков. Показателем децентрализации является количество автономных учреждений в этой сфере и уровень (региональный или муниципальный) утверждения индивидуальной программы обслуживания для обратившегося потребителя. *Клиентелизм и патронаж*, существующие в системе предоставления социальных услуг, могут также препятствовать

диверсификации сектора. Поскольку оба феномена являются неотъемлемой частью политической машины, то уровень голосования за «Единую Россию» на прошедших в 2016 году выборах в Государственную Думу позволит измерить силу мобилизационного эффекта в регионе в целом. Количество трудоустроенных в социальной сфере также может быть косвенным показателем значимости политической мобилизации этой социальной группы в момент, когда политическая машина приходит в действие. Последний пул объяснительных переменных связан с *ресурсным объяснением* (*supply-side explanation*). Для тестирования значимости этого подхода в качестве независимых переменных используются данные ВРП и индекс человеческого развития (http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index_innov.shtml#rating) как показатели социально-экономического развития регионов России.

Выборка включает в себя 66 региональных кейсов в 2016 и 2017 годах, то есть всего в анализе присутствует 132 наблюдения. Из 85 российских регионов было исключено 19. Республика Крым и город федерального значения Севастополь стали частью российского политического и социально-экономического пространства в 2014 году, что не соответствует логике сравнительного анализа российских регионов, которые интегрированы в общестрановую динамику развития. В 2016 году в восьми российских регионах реестры поставщиков социальных услуг не были утверждены (Магаданская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия и др.). В 2017 году количество таких регионов сократилось до четырех. Четыре республики Северного Кавказа (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Чечня) традиционно являются аутлайерами в силу особенностей внутри регионального развития, взаимоотношений с федеральным центром, а также в силу недостоверности статистической информации. По этой причине они были исключены из анализа, равно как и такие особые российские субнациональные единицы, как автономные округа и город федерального значения Москва.

На данном этапе исследования сбор количественных данных и статистический анализ в полной мере не реализованы. Однако собранный материал о поставщиках в 2016 году и анализ 27 региональных реестров в 2017 году уже позволяют судить о динамике и особенностях процесса диверсификации сферы предоставления социальных услуг, роли всероссийских организаций, унаследованных с советских времен, а также охарактеризовать примеры намеренного создания негосударственных организаций (так называемые ГОНГО, англоязычная аббревиатура GONGO использу-

ется для обозначения *government organized nongovernmental organization*) государственными служащими и/или политиками и приватизации бюджетных учреждений.

Характеристика негосударственных поставщиков, зарегистрированных в реестре

Как видно из графика, монополия государственных учреждений в системе предоставления социальных услуг очевидным образом сохраняется. Всего в 2016 году было зарегистрировано 4438 государственных учреждений, 159 частных компаний и 138 НКО. Всего в региональных реестрах зарегистрировано 4735 поставщиков. Более чем в трети регионах (37,8%) НКО в качестве альтернативных поставщиков отсутствуют. Примерами могут служить Ивановская область, Омская область, Республика Коми. При этом в половине российских регионов (53%) от 1 до 9% поставщиков являются негосударственными. В эту категорию попадают Саратовская область, Ростовская область, Белгородская область и др. 9% российских регионов лидируют по количеству негосударственных поставщиков, зарегистрировав от 10 до 15% НКО и частных компаний в своих реестрах, — среди них Тамбовская область, Ленинградская область, Камчатский край.

График. Структура поставщиков социальных услуг в регионах России в 2016 году

Как видно, регионы разнятся как по количеству, так и по качеству официально признанных альтернативных государственных провайдеров. Анализ социальных групп, с которыми работают негосударственные провайдеры, ограничен и сделан на основе 27 изучения 27 региональных реестров в 2017 году. Всего в этих регионах зарегистрировано 135 негосударственных поставщиков. Из них 50 организаций (37%) задействованы в сфере ухода за пожилыми людьми, 31 (23%) организация работает с детьми (больными, здоровыми, оставшимися без попечения родителей), 24 (18%) организации занимаются проблемами бездомных людей и 23 (17%) — инвалидами. Оставшиеся 7 (5%) организаций работают с разными категориями граждан. Эти неполные данные тем не менее подтверждают мнение экспертов о том, что Федеральный закон № 442-ФЗ нашел свое применение прежде всего в сфере ухода за пожилыми людьми. Этот факт объясняется тем, что указанная сфера государственных социальных услуг наравне с заботой о детях, оставшихся без попечения родителей, получила наибольшее количество критики со стороны экспертов и потребителей. Инфраструктура домов для пожилых в значительной степени обветшала, что позволяет их использовать только самым незащищенным гражданам, оставшимся без поддержки семьи. Вместе с тем проблема старения населения в России и возрастающий спрос на качественные услуги в геронтологических учреждениях/отделениях способствуют развитию негосударственных поставщиков именно в этой сфере социальной политики.

Интересно, что из 23 организаций, созданных для поддержки и предоставления социальных услуг людям с ограниченными возможностями, 11 объединений — это региональные отделения всероссийских организаций. Данные организации являются правопреемницами советских объединений инвалидов: Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых» и Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество инвалидов». Региональные отделения были включены в реестр поставщиков социальных услуг в Архангельской области, Брянской области, Оренбургской области и др. Например, в Архангельской области сотрудники организации реализуют услуги сурдопереводчиков, чтобы упростить доступ инвалидов по слуху к предоставляемому спектру социальных услуг.²

² Официальный сайт Союза общественных объединений инвалидов Архангельской области. Точка доступа: <http://sousnko.ru/unity/vog/sobyitiya/invalidyi-po-sluxu-v-arxangelskoj-oblasti-smogut-poluchat-soczialnyie-uslugi.html>; дата доступа 01.04.2017.

Присутствие этих организаций среди поставщиков социальных услуг является важным показателем того, как неолиберальные принципы адаптируются и используются организациями, привыкшими работать в рамках иной модели социальной политики. Речь идет о том, что, согласно статье 33 Федерального закона РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (принят 24.11.1995), «общественные организации, созданные и функционирующие с целью защиты прав и легальных прав инвалидов <...> признаны формой социальной защиты инвалидов». Прежде всего здесь имеются в виду всероссийские общества, созданные в советское время. Об этом свидетельствует опыт прямого субсидирования таких организаций из федерального бюджета на протяжении многих лет (Tarasenko 2017).

Схожим примером является Всероссийская организация «Красный крест», региональные отделения которой также включены в реестры поставщиков в Псковской области, Иркутской области, Белгородской области, Камчатском крае, Новосибирской области и Тамбовской области. Кроме того, мордовская региональная организация Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы «Инвалиды войны» может служить примером того, как членские объединения граждан, ассоциирующиеся, скорее, с патерналистской моделью взаимоотношений с государством, включаются в новую логику взаимодействия предоставления социальных услуг.

Показательным является низкая доля участия религиозных организаций, которые в той или иной форме оказывают социальную поддержку и обслуживание граждан с низким уровнем благосостояния. Так, анализ реестров 2016 года выявил четыре организации, аффилированные с Русской православной церковью (Костромская область, Новосибирская область, Республика Башкортостан). Помимо этого две другие конфессии представлены среди поставщиков: ростовская общественная организация местной национально-культурной Греческой автономии и региональная общественная организация «Еврейский общинный культурный центр рязанской области “Хесед-Тшува”».

При попытке протестировать, насколько организации, включенные в реестр негосударственных, связаны или аффилированы с бюрократией, работающей в системе социального обеспечения, а также с региональными или местными политиками, был проведен анализ их руководящего состава. Так, предварительные результаты показывают, что намеренное создание некоммерческой организации или частной компании (общество с ограниченной ответственностью или индивидуальный предприниматель)

не является распространенной или значимой стратегией. Однако удалось выявить несколько подобных примеров. Чаще всего руководители местных администраций или социальных служб становятся руководителями частной компании. Например, индивидуальный предприниматель Желтоброва Ирина Алексеевна является одновременно директором муниципального бюджетного стационарного учреждения социального обслуживания системы социальной защиты населения «Волоконовский дом-интернат для престарелых и инвалидов» Белгородской области. Подобные индивидуальные предприниматели, аффилированные с местной или региональной администрацией и системой социального обеспечения, зарегистрированы в реестрах трех регионов.

Таблица 1. Примеры негосударственных организаций, руководители которых аффилированы с государственными органами власти или муниципальными учреждениями

№	Название негосударственной организации в реестре	Аффилиация руководителя негосударственной организации
1	Индивидуальный предприниматель Ускова Л. Н.	Исполняющая обязанности начальника отдела правового, кадрового и организационного обеспечения ГОАУСОН «Мончегорский КЦСОН» Мурманской области
2	Индивидуальный предприниматель Данильченко Ю. А.	Заведующая службы социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов, Лешуконский муниципальный район, Архангельская область
3	Индивидуальный предприниматель Ляпушкина Л. А.	Депутат Собрании депутатов МО «Лешуконский муниципальный район» Архангельской области
4	ООО «Социальная служба “Участие”»	Генеральный директор Екатерина Арсентьевна Шуракова в 2008 году занимала должность главы администрации Ломоносовского территориального округа мэрии города Архангельска
5	Индивидуальный предприниматель Дудникова Е. Г.	Начальник управления социальной защиты Приозерского района Ленинградской области

Интересным примером является автономная некоммерческая организация «Центр социального обслуживания “Родные люди”» в Приморском крае, директором которого является Наталья Владимировна Кокорева — кандидат в депутаты в Государственную Думу от политической партии

«Единая Россия», занимавшая должность руководителя дополнительного офиса Сбербанка РФ. Центр был создан в 2015 году и, похоже, стал стартовой площадкой для участия в праймериз «Единой России» летом 2016 года и выдвижения кандидатуры Н. В. Кокоревой на парламентских выборах. Эта предвыборная стратегия, к слову, не была успешной. Сам пример демонстрирует стратегию создания АНО с последующей регистрацией в реестре поставщиков социальных услуг для получения компенсации из бюджета в сочетании с использованием статуса руководителя социальной ответственной организации для политических целей.

Создание ООО «Пансионат для пожилых людей и инвалидов “Забота”», который включен в реестр поставщиков социальных услуг Архангельской области, связано со сменой собственника и отчасти напоминает схему приватизации. Так, пансионат расположен в помещениях, ранее принадлежавших комплексу ГУЗ «Отделенческая больница ст. Исакогорка ГУП “Северная железная дорога”». В ходе судебных разбирательств эти помещения были признаны собственностью пансионата на основании регистрации собственности в ЕГРП в 2013 году.³ Генеральным директором пансионата является бывший главный врач государственного бюджетного учреждения здравоохранения Архангельской области «Архангельская городская поликлиника № 14». Как и в случае с депутатом от «Единой России» в Приморском крае, этот пример не является распространенной практикой.

Факторы диверсификации предоставления социальных услуг

Поскольку сбор данных, характеризующих независимые переменные, на данном этапе исследования был выполнен только частично, обоснованные выводы о факторах диверсификации сделать не представляется возможным. Вместе с тем на основании имеющихся материалов можно выявить несколько закономерностей.

Особым случаем является Республика Башкортостан, где частные компании и НКО занимают 37,3% от общего числа поставщиков в реестре

³ Решение Арбитражного суда Архангельской области от 29.07.2015. Точка доступа: <https://rospravosudie.com/court-as-arxangelskoj-oblasti-s/judge-bunkova-ekaterina-vladimirovna-s/act-320032845/>; дата доступа 01.04.2017.

(см. Приложение 1).⁴ Многие центры социального обслуживания населения Республики Башкортостан внесены в реестр дважды: как АНО, учредителем которого являются региональные органы власти, и как общество с ограниченной ответственностью. За счет этого реестр более чем на треть состоит из негосударственных поставщиков. В нем фигурируют всего две НКО, учредителями которых не является государство: религиозная организация «Нефтекамская Епархия Русской православной Церкви (Московский Патриархат)» и Еврейский благотворительный фонд «Хэсэд-Лея».

Татарстан — один из ведущих региональных бенефициаров и участников многочисленных федеральных программ, цель которых — внедрение инструментов нового публичного менеджмента (аутсорсинг, проектное бюджетирование и др.). Однако, как показывает Гульназ Шарафутдинова, федеральное субсидирование использовалось во многом для создания клиентел в системе социальной политики для последующей политической мобилизации (Sharafutdinova 2013). Поскольку изначальные цели были вытеснены практиками патронажа и клиентелизма, реальной диверсификации сектора не произошло. Схожим примером является Тюменская область — пилотный регион для многих проектов в сфере социальных инноваций, в том числе инициированных федеральным центром. По состоянию на 15.04.2017 в реестр включено 9,6% негосударственных поставщиков (4 НКО и 1 общество с ограниченной ответственностью).⁵ Примеры этих двух регионов показывают, что внешние инвестиции в инновации в социальной сфере не всегда являются залогом успешной диверсификации структуры поставщиков социальных услуг.

Для ответа на исследовательский вопрос и проверки гипотез мной был проведен качественный анализ. Если взять для сравнения наиболее успешные случаи с точки зрения включения альтернативных государственным провайдеров, то для этих регионов схожим является относительно высокий уровень децентрализации социальной сферы, определяемый как процентное соотношение автономных учреждений по отношению к общему числу государственных поставщиков в реестре. Этот эффект работает и для тех регионов, где негосударственные провайдеры отсут-

⁴ Реестр поставщиков социальных услуг Республики Башкортостан. Точка доступа: <https://asp2.bashkortostan.ru/aspnet/reestr.html>; дата доступа 01.04.2017.

⁵ Реестр поставщиков социальных услуг Тюменской области доступен по адресу: <http://109.233.229.25/aspnetkp/reestr.html>

ствуют в реестрах. Для этих случаев характерно отсутствие или минимальный уровень децентрализации (см. таблицы 2 и 3). Из приведенных примеров также видно, что регионы, в которых нет зарегистрированных негосударственных поставщиков, являются малообеспеченными, о чем свидетельствует их показатель ВРП (описательная статистика доступна в Приложении 2).

Таблица 2. Регионы с максимальной долей негосударственных поставщиков, зарегистрированных в реестре

№	Регион	Доля негосударственных поставщиков в реестре	ВРП на душу населения, за один год (2014)	Доля автономных учреждений (%)
1	Республика Башкортостан	37,3	306 771,3	62,5
2	Пермский край	36,9	367 086,6	59,5
3	Ленинградская область	36,4	403 431,2	20,4
4	Камчатский край	19,2	456 481,5	95,2
5	Владимирская область	14,4	232 630,7	10,2
6	Пензенская область	13,7	219 181,9	20
7	Новосибирская область	13,5	326 867,5	22,9
8	Брянская область	12,8	196 341,9	8,8
9	Тюменская область	9,6	521 986,8	100

Таблица 3. Регионы с минимальной долей негосударственных поставщиков, зарегистрированных в реестре

№	Регион	Доля негосударственных поставщиков в реестре	ВРП на душу населения, за один год (2014)	Доля автономных учреждений (%)
1	Карачаево-Черкесская республика	0	147 396	0
3	Курганская область	0	193 434	0
4	Омская область	0	303 088	10,6
5	Республика Марий Эл	0	209 488	0
6	Республика Северная Осетия – Алания	0	179 992	0
7	Тверская область	0	232 832	0
8	Томская область	0	399 207,9	12,1

Это наблюдение подтверждается предварительным статистическим анализом. Если взять за основу интегральную зависимую переменную (количество и доля негосударственных поставщиков) и провести Шапиротест, то окажется, что выборка не распределена нормально. В связи с этим стандартные статистические техники моделирования не подойдут для дальнейшего тестирования гипотез. В качестве подходящих тестов использовались пуассоновская регрессия (*Poisson regression*) и биномиальная регрессия. Оба теста показали высокую степень зависимости между долей автономных учреждений и долей негосударственных провайдеров в реестре. Вероятность того, что эта гипотеза не верна, составляет 0,001%, что свидетельствует о высокой достоверности предположения о важности степени децентрализации системы социального обеспечения для включения НКО и частных компаний в реестр официальных провайдеров социальных услуг. Несомненно, что эти результаты являются предварительными и дальнейшее тестирование гипотез будет продолжено.

В целом наблюдается тенденция к тому, чтобы включать негосударственных поставщиков в реестр. Например, в 2017 году в реестрах некоторых регионов (Краснодарский край, Республика Алтай, Республика Коми, Республика Якутия (Саха), Ярославская область) появились НКО. Учитывая это, можно констатировать, что процесс диверсификации еще не стабилизировался и важной исследовательской задачей становится фиксировать такую динамику.

Заключение

Представленная работа призвана объяснить отказ от всеохватности государственных поставщиков социальных услуг и региональные различия в этой сфере. Характеристика Федерального закона № 442-ФЗ как инструмента внедрения нелиберальных принципов управления социальной сферой выявила его особенности, которые перекликаются с международной практикой. Так, провозглашенное сокращение роли государства в социальной сфере зачастую приводит к ужесточению государственного регулирования. В частности, это означает, что от региональных властей зависит решение о наличии или отсутствии альтернативных провайдеров социальных услуг в официальном реестре поставщиков. Количественная характеристика бюджетной сферы предоставления социальных услуг позволила зафиксировать сокращение государственных учреждений и появление негосударственных провайдеров, что соответ-

стует неолиберальным принципам сокращения государственных расходов и привлечения альтернативных ресурсов коммерческого и некоммерческого секторов экономики. Диверсификация сферы предоставления услуг, хотя и серьезно ограничена, но имеет динамику к увеличению численности негосударственных провайдеров, если сравнивать реестры 2016 и 2017 годов.

Ограниченной представляется практика создания ГОНГО и частных компаний представителями чиновников и политиков, задействованных в социальной сфере. Из 297 негосударственных поставщиков, зарегистрированных в 2016 году, было выявлено семь случаев конфликта интересов и совмещения руководящих должностей в государственном секторе с работой в некоммерческой или коммерческой организации. При этом интересным наблюдением стало включение ветеранских объединений, основанных на членстве, в новую схему предоставления социальных услуг. Причем логика их деятельности, как показывают исследования, традиционно коррелировала с патернализмом. Религиозные организации остаются в меньшинстве и очень ограниченно представлены среди поставщиков социальных услуг.

Подавляющая часть альтернативных провайдеров являются профессиональными НКО, работающими в своей сфере на протяжении многих лет. При этом частных компаний зарегистрировано ненамного больше, чем НКО. Самой востребованной оказывается сфера ухода за пожилыми, на втором месте — забота о детях. Учитывая динамику 2016–2017 годов и тенденцию к увеличению количества поставщиков (наравне со снижением численности государственных учреждений), необходимо завершить сбор данных за 2017 год для более точного измерения происходящих трансформаций.

По результатам предварительного анализа можно констатировать, что степень диверсификации зависит от степени автономии государственных поставщиков в отношении социальной бюрократии. Согласно теоретическим предпосылкам, это свидетельствует о низкой степени консолидации заинтересованной группы, которая включает ведомства, ответственные за проведение социальной политики, и учреждения, реализующие эту политику. Таким образом, содержательный вывод состоит в том, что на уровень диверсификации влияют характеристики самой бюджетной сферы предоставления социальных услуг. Сопутствующую положительную роль оказывает ресурсная обеспеченность региона.

Приложение 1

Список поставщиков социальных услуг из реестра Республики Башкортостан (данные по состоянию на 11.08.2016)

№	Негосударственные поставщики	Государственные поставщики
1	ООО ЦСОН «Луч надежды»	АНО ЦСОН «Луч надежды»
2	ООО ЦСОН «Ярзам»	АНО ЦСОН «Ярзам»
3	ООО ЦСОН «Ярдам»	АНО ЦСОН «Ярдам»
4	ООО ЦСОН «Милосердие»	АНО ЦСОН «МИЛОСЕРДИЕ»
5	ООО ЦСОН «Твори добро»	АНО ЦСОН «Твори добро»
6	ООО ЦСОН «Изге уй»	АНО ЦСОН «Изге уй»
7	ООО ЦСОН «Очаг»	АНО ЦСОН «Очаг»
8	ООО ЦСОН «Атайсал»	АНО ЦСОН «Атайсал»
9	ООО «Родник»	АНО ЦСОН «Родник» Калининского района городского округа г. Уфы Республики Башкортостан
10	ООО «ДОМ»	АНО ЦСОН «ДОМ»
11	ООО ЦСОН «Родники»	АНО ЦСОН «Родники»
12	ООО ЦСОН «Преображенск»	АНО ЦСОН «Преображенск»
13	ООО ЦСОН «Доброе утро»	АНО ЦСОН «Доброе утро»
14	ООО ЦСОН «Добро»	АНО ЦСОН «Добро»
15	ООО ЦСОН «Надежда»	АНО ЦСОН «Надежда»
16	ООО «Отрада»	АНО ЦСОН «Отрада»
17	ООО ЦСОН «Мир добра»	АНО ЦСОН «Мир добра»
18	ООО ЦСОН «Мурадым»	АНО ЦСОН «Мурадым»
19	ООО ЦСОН «Поколение»	АНО ЦСОН «Поколение»
20	ООО ЦСОН «Доверие»	АНО ЦСОН «Доверие»
21	ООО ЦСОН «Содействие»	АНО ЦСОН «Содействие»
22	ООО ЦСОН «Доброе сердце» Нуримановского района Республики Башкортостан	АНО ЦСОН «Доброе сердце»
23	ООО ЦСОН «Гармония добра»	АНО ЦСОН «Гармония добра»
24	ООО ЦСОН «Заботливое сердце»	АНО ЦСОН «Заботливое сердце»
25	ООО ЦСОН «Алтын быуын»	АНО ЦСОН «Алтын быуын»
26	ООО «Территория добра»	АНО ЦСОН «Территория добра»

№	Негосударственные поставщики	Государственные поставщики
27	ООО «Наша забота»	АНО ЦСОН «Наша забота»
28	ООО ЦСОН «Мархамат»	АНО ЦСОН «Мархамат»
29	ООО ЦСОН «Добро без границ»	АНО ЦСОН «Добро без границ»
30	ООО ЦСОН «Академия добра»	АНО ЦСОН «Академия добра»
31	ООО ЦСОН «Благо» Благовещенского района и г. Благовещенска Республики Башкортостан	АНО ЦСОН «Благо»
32	ООО ЦСОН «Благое дело»	АНО ЦСОН «Благое дело»
33	ООО ЦСОН «Добрые руки»	АНО ЦСОН «Добрые руки»
34	ООО «Гармония» Мелеузовского района и г. Мелеуза Республики Башкортостан	АНО ЦСОН «Гармония»
35	ООО ЦСОН «БлагоДать»	АНО ЦСОН «БлагоДать»
36	ООО ЦСОН «Добрые сердца»	АНО ЦСОН «Добрые сердца»
37	ООО ЦСОН «Доброта»	АНО ЦСОН «Доброта»
38	ООО ЦСОН «Азатлык»	АНО ЦСОН «Азатлык»
39	ООО «Забота»	АНО ЦСОН «Забота»
40	ООО ЦСОН «Исток»	АНО ЦСОН «Исток»
41	ООО ЦСОН «Ихтирам»	АНО ЦСОН «Ихтирам»
42	ООО ЦСОН «Альтаир»	АНО ЦСОН «Альтаир»
43	ООО ЦСОН «Феникс»	АНО ЦСОН «Феникс» Орджоникидзевского района городского округа город г. Уфы Республики Башкортостан
44	ООО ЦСОН «Доверие»	АНО ЦСОН «Доверие +» Советского района г. Уфы Республики Башкортостан
45	ООО ЦСОН «Надежда плюс»	АНО ЦСОН «Надежда плюс»
46	ООО ЦСОН «Бэхет+»	АНО ЦСОН «Бэхет» Октябрьского района г. Уфы Республики Башкортостан

Приложение 2

Дескриптивная статистика зависимой и независимых переменных (данные реестров 2016 года)

	ВРП на душу населения, за один год (2014)	Количество автономных учреждений	Доля НКО	Доля негосударственных поставщиков
Средняя	320 549,34	18,02	2,95	5,64
Медиана	292 170,8	4,14	1,24	3,07
Стандартное отклонение	194 090,61	27,86	4,00	8,33
Минимальное значение	137 437,3	0	0	0
Максимальное значение	1 620 312,5	100	15,38	37,34

Литература

Алескеров Ф., Головщинский К., Клименко А. (2006), *Оценки качества государственного управления. Препринт WP8/2006/02*. М.: ГУ ВШЭ.

Дмитриев М., Юртаев А. (2010), Стратегия–2010: итоги реализации 10 лет спустя, *Экономическая политика*, № 3, с. 107–114.

Матвеев И. (2016), *Неолиберализм с российскими характеристиками*. Точка доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/ilya-matveev/rossiya-inc>

Овсянникова А. (2016), *Федеральный государственный унитарный оффшор «Россия»*. Точка доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/anastasiya-ovsyannikova/gos-offshor-rossiya>

Титков А. (2016), Индекс демократии для регионов России: динамика 1990–2000-х годов, *Вестник Пермского университета. Политология*, № 2, с. 81–104.

Anheier H., Kendall J. (2001), Introduction, in: Anheier H., Kendall J., *Third Sector Policy at the Crossroads: An International Nonprofit Analysis*. New York: Routledge.

Anheier H., Krlev G. (2014), Welfare Regimes, Policy Reforms, and Hybridity, *American Behavioral Scientist*, 58 (11), p. 1395–1411.

Biglaiser G., Danis M. (2002), Privatization and Democracy. The Effects of Regime Type in the Developing World, *Comparative Political Studies*, 35 (1), p. 83–102.

Bindman E. (2016), *Welfare governance, non-state actors and resistance to outsourcing*, Paper presented at the conference “Life and Death in Russia” (Helsinki, 26–28 October 2016). Helsinki: Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland.

Blom-Hansen J., Munk C. P., Fimreite A. L., Selle P. (2012), Reform Strategies Matter: Explaining the Perplexing Results of Regional Government Reforms in Norway and Denmark, *Local Government Studies*, 38 (1), p. 71–90.

Cerami A. (2009), Welfare state developments in the Russian Federation: Oil-led Social Policy and “the Russian Miracle”, *Social Policy and Administration*, 43 (2), p. 105–120.

Cook L. (2007), *Postcommunist Welfare States: Reforms and Politics in Russia and Eastern Europe*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Cook L. (2011), Russia’s Welfare Regime: the Shift towards Statism, in Jappinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.), *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Esping-Andersen G. (1998), *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford: Oxford University Press.

Gel'man V., Starodubtsev A. (2016), Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernization: Russian Policy Reforms in the 2000s, *Europe-Asia Studies*, 68 (1), p. 97–117.

Grigoriev I., Dekalchuk A. (2017), Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia, *Democratization*, 24 (3), p. 481–497.

Kay R. (2011), Social Security, Care and the “Withdrawing State” in Rural Russia, in Jappinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.), *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Lewis J. (2004), The State and the Third Sector in Modern Welfare States: Independence, Instrumentality, Partnership, in Evers A., Laville J.–L. (eds.), *The Third Sector in Europe*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited.

Maltseva E. (2012), *Welfare Reforms in Post-Soviet States: A Comparison of Social Benefits Reform in Russia and Kazakhstan*. Toronto: University of Toronto.

Pierobon C. (2016), The Development of State-Civil Society Relations in Kazakhstan, in: Ferrari A., Ianiro E. (eds.), *Caucaso e Asia Centrale Ricerche 2016. Eurasiatica Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale 6*.

Remington T. (2015), Institutional Variation among Russian Regional Regimes: Implications for Social Policy and the Development of Non-governmental Organizations, *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 26 (6), p. 2215–2237.

Selle P. (2010), Why Social Democracy is not a Civil Society Regime in Norway, *Journal of Political Ideologies*, 15 (3), p. 289–301.

Sharafutdinova G. (2013), Getting the “Dough” and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 21 (4), p. 507–529.

Tarasenko A. (2017), Russia’s Third Sector Divided: Between Neoliberal Reforms and Soviet Legacy, *Europe-Asia Studies* (under revision).

Анна Тарасенко

**Диверсификация сферы социальных услуг в России:
факторы региональных различий**

Препринт М-58/17

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 03.05.17
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?**
СПб.: НОРМА, 2016.